

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Лучше быть хорошим?

Было 2 часа утра, и это было рождественское утро. Я только что улёгся в постель, и без особого восторга думал о грядущем дне, который придётся провести, навещая родственников, общение с которыми приносит лишь раздражение, и обмениваясь подарками с людьми, которых видишь раз в году. Я всегда считал, что могу найти своим деньги лучшее применение, чем тратить их на эту публику. Правда, если получится нигде подолгу не задерживаться, отделавшись вручением подарков и поеданием угощения, вкусовые качества которого оставляет желать лучшего, то, самое позднее, в 6 вечера я смогу выпить в более интересной компании.

Я уже начинал дремать, уютно завернувшись в одеяла, когда в гостиной послышался какой-то шелест. Я откинул одеяло и уселся в кровати. Шелест раздался вновь, на этот раз к звуку добавился слабый звон колокольчиков. Несколько озадаченный, я тут же подумал о рождественских колокольчиках Санта-Клауса. Я выполз из постели. Ну конечно, я забыл выключить телевизор, по которому идёт очередной дурацкий рождественский фильм. Ну сколько можно смотреть одну и ту же чушь?

Я открыл дверь и первое, что я увидел, были разноцветные праздничные огоньки. Беда только в том, что у меня и в помине не было никакой праздничной гирлянды либо другого украшения. Слегка встревоженный, я начал осторожно просовывать голову в приоткрытую дверь, стараясь разглядеть, что происходит в гостиной. Я отпрянул назад, как только заметил чью-то тень на стене, освещённой множеством огней.

Я оглянулся назад, на дверь спальни, не зная, что предпринять.

Ну-ка, выходи! Не заставляй меня тратить лишнее время. Будет лучше, если ты будешь вести себя, как мужчина, — произнёс женский голос с лёгким английским акцентом.

Если это только возможно, — усмехнулась она.

Заинтригованный, я вышел из-за угла и увидел прекрасную женщину, ростом не ниже шести футов, стоящую посередине моей гостиной. Она вызывающе смотрела прямо на меня, уперев руки в бока. Комната казалась освещённой множеством ярких разноцветных огней, хотя никакой гирлянды или лампы не было.

У неё были длинные шелковистые серебристые волосы, достававшие до пояса. Но это не была седина пожилой женщины. На вид ей можно было дать не больше тридцати лет. Она была одета в красный кожаный обтягивающий комбинезон-catsuit, оставлявший мало места для игры воображения. Он был украшен белым мехом. Её ноги были обуты в потрясающие чёрные кожаные сапоги, достававшие практически до того самого места, где сходились вместе её длинные стройные ноги. Верх сапог был также оторочен мехом. У сапог были пятидюймовые каблуки-«шпильки». Снизу, вокруг щиколоток, и сверху, вокруг бёдер, сапоги обвивали тонкие ремешки с пряжками. К ремешкам были прикреплены крошечные бубенчики, издававшие негромкий хрустальный перезвон при каждом движении этих прелестных ног. С чёрной кожей сапог с меховой опушкой гармонично сочетались длинные оперные кожаные перчатки, туго обтягивающие руки женщины, которая молча взирала на меня, слегка приподняв одну бровь, с нескрываемым чувством превосходства.

Кто вы? — чуть слышно выдавил я из себя.

Ты можешь называть меня госпожа Клаус, — заявила она, — Подойди сюда. Ближе!

Я сделал несколько осторожных шагов вперёд.

Она поманила меня пальцем...

Ещё ближе!

Я остановился на расстоянии в несколько футов от неё, оставив между нами диван, разделяющий нас. Я неожиданно почувствовал, что мой член, скрытый боксёрскими трусами, начал ощутимо увеличиваться в размерах, поэтому я придвинулся поближе к дивану, пытаясь скрыть свою эрекцию.

Что вам угодно? — спросил я.

Что мне угодно? По правде говоря, ты был очень, очень плохим мальчиком весь этот год.

Нет, не был! — я начал спорить слегка обиженным тоном.

Моя обвинительница лишь отрицательно помахала обтянутым перчаткой пальчиком перед моим носом и прищёлкнула языком.

Не был! — повторил я, начиная сомневаться в правоте своих слов.

В ответ она достала из голенища своего сапога крошечную записную книжку в кожаном переплёте. Раскрыв её, она стала пролистывать страницы. Пока она переворачивала страницы, я рассматривал её тело. Груды были необычайно большие и торчащие, как у героинь комиксов. Я даже мог хорошо разглядеть их, насколько позволял глубокий вырез её кожаного костюма. Затем мой взгляд остановился на её крутых бёдрах, и я легко смог представить себе, какой же должен быть зад, затянутый в кожу. Опустив глаза еще ниже, я не мог оторвать взгляд от её сапог. Они действительно были просто замечательны.

Разноцветные огоньки отражались, переливаясь, на их до блеска начищенной коже. На подъёме и под коленями были заметны морщинки, которые свидетельствовали об отличном качестве кожи сапог. Мой член окончательно и твёрдо встал, салютуя прекрасной незнакомке.

Ага, вот оно! — с воодушевлением заявила та, очевидно, найдя нужную страницу, — Только в этом году ты десять раз не оплатил парковку своей машины, причём один раз ты занял зарезервированное место.

Я очень спешил...

Она подняла руку в кожаной перчатке, заставив меня замолчать.

Дважды тебя остановили за превышение скорости, и оба раза — рядом со школой, — она так взглянула на меня поверх записной книжки, что я невольно вздрогнул.

Ты соврал о своём участии в благотворительности, заполняя налоговую декларацию.

Да, — сказал я, немного гордый собою.

Ты никогда не оставляешь чаевые в ресторанах. За исключением одной официантки, с которой хотел заняться сексом.

Это не моя вина, что им мало платят!

Ты подсел своего коллегу, чтобы получить повышение.

Я лучше подходил на это место!

Она продолжала читать, а мой взгляд снова остановился на гладкой коже заострённых носков её ботфорт. Внезапно мне захотелось встать на колени и поцеловать эти замечательные сапожки. Я встряхнул головой. Откуда только взялись эти мысли?

Ты слушаешь меня? — поинтересовалась моя гостья.

Да, да! Извините...

И наконец, завершая этот успешный для тебя год, ты изменил своей девушке с её лучшей

подругой, — она посмотрела на меня с отвращением и в то же время с некоторой долей жалости.

Я был потрясен её осведомлённостью насчёт этого факта моей биографии.

В день её рождения.

Я лишь кивнул.

Прямо на вечеринке в честь её дня рождения.

Я не мог больше сдерживать себя.

Да, я сделал это! Всё равно наши отношения зашли в тупик, — я попробовал слабо возразить.

Она перевернула страницу в своей книжке...

Ты сорок семь раз уверял её, что хочешь жениться на ней.

Я уставился на неё, широко разинув рот...

Откуда вы это знаете? Всё, что вы говорили раньше, не очень сильно взволновало меня, но это уже похоже на вторжение в личную жизнь. Я требую объяснений! Я знаю всё... когда ты спишь, когда просыпаешься, знаю о твоём плохом или хорошем поведении, — ответила она, слегка пританцовывая на месте, отчего бубенчики на её сапожках мелодично зазвенели. Она откинула назад свои длинные волосы.

Я думал, что ты просто... — я сам не мог поверить в то, что произносил, — Санта-Клаус.

Она захлопнула книжку и спрятала её в голенище сапога...

Вообще-то над этим работает большой персонал.

В ответ я лишь уставился на неё, почёсывая в затылке.

Она сложила руки перед собой...

Ты видел результаты последней переписи населения? В мире столько людей.

Она сделала несколько шагов по направлению к груде подарков, приготовленных мной для моих родных. Она подвигала некоторые из них носков своего сапога...

Хм! Галстук для твоего отца. Галстук для дяди. Галстук для брата.

Она перешла к другому свёртку. Я смотрел на её вытянутую ногу и представлял себя лежащим на полу, а эта нога, обутая в сапог, трогает мои яички. Я представил себе, как она надавливает на мой вставший член, прижимая его к моему животу, как он перекатывается туда-сюда под подошвами её сапог.

Ух ты! Коробка залежавшихся шоколадных конфет, купленная тобой на автозаправке для мамы. Твои родные должны оценить усилия, вложенные тобой в приобретение подарков.

Конечно, может показаться, что я...

Она пристально посмотрела на меня, и слова оправдания застряли у меня в горле. Я внезапно почувствовал себя виноватым. Не зная, к чему это приведёт, я задал вопрос...

И что это означает для меня? Я всё-таки не понимаю, зачем вы пришли сюда.

Чтобы наказать тебя, конечно! — воскликнула она.

Извините, не понял, — я наклонился вперёд.

Я здесь, чтобы наказать тебя, — повторила она, как само собой разумеющееся.

Из голенища другого сапога она достала длинный тонкий хлыст.

Я отпрянул назад...

Может, лучше уголёк вместо сахара, который Санта кладёт в чулок непослушным детям вместо подарков?

Она отрицательно покачала головой...

Это наказание — только для детей. Когда они вырастают во взрослых, которые могут отвечать

за свои поступки, к ним применяются другие методы.

Она подошла ко мне ближе, и диван больше не защищал меня. На таком близком расстоянии я уловил её запах. От неё пахло рождественским печеньем. Печеньем и кожей. Мне понравился этот запах. Этот запах гипнотически действовал на меня.

Ведь грязные мыслишки не выходили у тебя из головы всё время, пока я разговаривала с тобой? Я права? Признавайся!

Откуда вы знаете?

Но я сам понял ответ на свой вопрос, когда глянул вниз. Мой стоящий член вряд ли мог быть больших размеров, чем сейчас. Он выпирал из под трусов, делая их похожими спереди на натянутую палатку.

Она слегка похлопала хлыстиком по этой «палатке»...

Я же не слепая, чтобы не заметить ЭТО.

Я почувствовал лёгкое облегчение...

А я было подумал, что вы можете читать мои мысли.

Я могу и это.

Чёрт возьми! Значит вы знаете, о чём я думал всё это время?

Да, но я хочу, чтобы ты сам рассказал мне об этом. Давай же! Говори!

Я неопределённо пожал плечами и промямлил что-то невразумительное.

Громче.

Я думал о ваших сапогах. Этого достаточно?

Она подошла ближе ещё на один шаг.

О чём именно?

Я снова пожал плечами...

Ну, я хотел лизать их. И целовать.

Она кивнула головой, как будто поняла, в чём дело.

Я попробовал объясниться...

Но вы должны понять, я не сам не знаю, откуда у меня такие мысли. Я никогда не думал об этом прежде.

Она скрестила руки на груди...

Это не имеет значения, что ты не думал об этом раньше. Видишь ли, ты слишком гордился собой, думал только о себе. Ты был центром своей маленькой вселенной. В качестве одного из наказаний ты должен подвергнуться унижению. Это так не похоже на тебя, но ты мечтаешь ползать у моих ног, не так ли?

Да, — я кивнул в ответ, как маленький ребёнок. Впрочем, она и обращалась со мной, как с провинившимся мальчиком. Вообще-то сначала я хотел было поспорить с её логикой, но почему-то не решился даже на малейшее сопротивление.

Она же понимающе и ободряюще улыбнулась...

Тебе стоит лишь попросить меня об этой милости как следует.

Я проглотил ком в горле и уставился в пол. Вернее, на её сапоги.

Пожалуйста, госпожа, разрешите мне вылизать ваши сапоги. Я обещаю, что хорошо справлюсь с этим. А, была не была!...

Я обещаю, что они у вас будут блестеть, — умолял я, едва не плача от одновременного желания и унижения, — Я прошу... Откуда только я брал эти слова?

Она протянула руку и дотронулась до моей щеки рукой, затянутой в перчатку...

Как приятно тебя слушать!

Я улыбнулся, услышав эти обнадеживающие слова.

Ну нет! — внезапно сказала она, отступая на шаг.

Она снова легонько похлопала по моим трусам...

Сними их. Ты должен заслужить право поцеловать мои сапоги.

Я немного замешкался, не зная, что последует дальше. Она щёлкнула пальцами и я поторопился исполнить её приказание, быстро спустив трусы. Из них выпрыгнул высвобождённый набухший член. Кончиком хлыста моя госпожа слегка приподняла его багровую головку...

Не думаю, что твоя бывшая подружка лишилась многого.

Я сам почувствовал, что покраснел от стыда, как рак.

Взмахнув рукой, она описала круг в воздухе...

Повернись! Нагнись! Ухватись за лодыжки!

Оглядываясь на неё через плечо, я повернулся и нерешительно нагнулся, расставив ноги, чтобы было легче сгибаться. Теперь, заглядывая себе между ног, я мог видеть её изящные сапожки. Она прохаживалась взад-вперёд, бубенчики звонко позванивали. Она стала нежно водить кончиком хлыста по моим ягодицам, как будто рисуя круги на моей коже. Я вздрогнул.

Десять ударов. Считай вслух. Ты понял меня?

Да, госпожа, — моё внимание было приковано к её сапогам.

Она выжала несколько напряжённых секунд. Затем я услышал звук хлыста, ударившего по правой ягодице.

Раз, моя госпожа! — начал я считать голосом выше обычного по меньшей мере на две октавы. Я снова почувствовал, как хлыст щекочет мою кожу, сразу ставшую такой чувствительной. Она дразнила меня, забавлялась со мной. Последовал новый удар.

Два, госпожа!

Она продолжила в том же духе, лаская меня хлыстиком и расхаживая позади меня. Я мог видеть только её сапоги. Казалось, она специально позирует в них для меня, иногда выставляя одну ногу вперёд и повернувшись так, чтобы дать мне насладиться видом её сапога в профиль. Иногда она приподнимала носок сапога так, что лишь каблук касался пола, иногда она нетерпеливо притопывала ножкой. Это зрелище удивительно возбуждающе действовало на меня. Она нежно поглаживала мой зад хлыстом так, что я не мог догадаться, когда ждать очередного удара. Наконец она нанесла последний удар поперёк обеих ягодиц, прямо под ними, по тому месту, где их линия плавно переходит в бёдра. Я подпрыгнул, более не в силах сдерживаться.

Десять, госпожа! — В моих глазах стояли слёзы. Мой зад горел от ударов, и я подумал, как замечательно было бы сесть сейчас в сугроб.

Встань и повернись ко мне.

Я подчинился, будучи не в силах смотреть её прямо в глаза после испытанного унижения. Я глянул вниз и убедился, что мой член всё такой же твёрдый, как камень. Я готов был поклясться, что он стал ещё крепче.

Очень хорошо! — сказала она, как будто я был собачкой, хорошо выполнившей какой-то трюк.

Она спрятала хлыст назад, в голенищу своего сверхвысокого сапога. Затем она выставила

вперёд одну ногу и указала на неё пальцем...

Теперь ты можешь вылизать мой сапог.

Я рухнул на колени и набросился на сапог, как будто я был голодающим, дорвавшимся до праздничного угощения. Я покрыл всю поверхность сапога поцелуями, потом я начал лизать его. Я лизал его, не отрываясь, начиная от носка и дотягиваясь своим языком так высоко, как мог дотянуться. Она повернулась ко мне спиной, подставляя мне заднюю часть своих ботфорт. Я продолжил вылизывать их голенища сзади, погружая свой язык в складки кожи, образовавшиеся на сапогах позади колен.

Она упёрлась носком сапожка в ковёр, показав подошву сапог. Мне не надо было объяснять, что от меня требуется, и я немедленно прижал язык к гладкой подошве. Меня абсолютно не волновало, как глупо я могу выглядеть со стороны. Я желал одного — лизать эти фантастические сапоги. Облизав подошву, я занялся высоким каблуком-«шпилькой». Мой язык несколько раз прошёлся вверх-вниз по нему. Затем я взял каблук в рот так глубоко, как смог, и начал сосать его. Моя повелительница позволила мне наслаждаться своим каблуком несколько минут, пока не вытащила его из моего рта. Я посмотрел на неё снизу вверх, не силах скрыть огорчения, но она подвинула ко мне другую ногу, обутую в сапог. Я улыбнулся. Как я мог забыть об этой ножке?

Я хотел проделать с этим сапогом всё то, что делал с первым, желая облизать его целиком, каждый дюйм, до которого смог бы дотянуться мой язык. Но когда я приступил к задней части голенища второго сапога, мои веки стали тяжелеть. Я изо всех сил старался не дать глазам сомкнуться, но это давалось всё труднее и труднее. Я несколько раз встряхивал головой, чтобы не заснуть, но это не ничуть не помогло. Моя голова со всё ещё высунутым языком улеглась щекой на обутую в сапог женскую ногу, и через мгновение я крепко спал, мирно похрапывая...

Через занавески в спальню проник утренний свет, и я проснулся, с трудом соображая, что произошло со мной этой ночью. Я лежал в своей кровати. Наступило утро Рождества. Неужели мне всё это лишь приснилось? Я перевернулся на спину и немедленно ощутил своей задницей, что её хлыст не во сне привиделся. Я запустил руку под одеяло. Мои трусы были опять на мне. Я запустил руку внутрь и нащупал на попе припухшие полосы от ударов. Значит, всё-таки не сон!

Я вылез из кровати и побрёл, спотыкаясь спросонья, в гостиную. Всё было тихо, никаких огней. Когда остатки сна улетучились из моей головы, я заметил, что мои трусы как-то странно топорщатся спереди. Я опустил их и увидел, что мой член и яички аккуратно, можно даже сказать — изысканно, перевязаны красно-зелёной лентой, которой завязывают подарки. К ленточке была прикреплена записка. Я достал её из середины узла и поднёс к свету, чтобы лучше разобрать написанное. Послание, написанное элегантным женским почерком, было очень коротенькое, но я не сдержал улыбку... «Ты стал заметно лучше прошлой ночью, но я буду следить за тобой!»